

АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Валентин
Катасонов

Полемические заметки
«непрофессионала»
о «литературном цехе»

Валентин Юрьевич Катасонов
Ангелы и демоны литературы.
Полемические заметки
«непрофессионала» о
«литературном цехе»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48524206

Ангелы и демоны литературы:

ISBN 978-5-901635-70-4

Аннотация

Книга представляет собой сборник очерков и статей о духовных смыслах литературы. Автор – не литератор, а экономист, т. е. не «литературный профессионал». Но тем неожиданнее и интереснее мнения и оценки, которые иногда диаметрально противоположны сложившимся стереотипам, содержащимся в учебниках по литературе для средней и высшей школы. Автор отходит от традиционного представления о том, что художественная литература, будучи частью культуры, позитивно влияет на человека и общество (за крайне редкими исключениями). В книге высказывается противоположный тезис: художественная литература, даже классика, чаще развращает человека и разрушает общество. Большинство доказательств строится на примерах русской литературы XIX – начала XX

веков, на которую сильно влияла западноевропейская литература (И. В. Гёте, Дж. Г. Байрон, О. Уайльд и др.). Показана роковая роль этой русскоязычной литературы в подготовке условий революции 1905–1907 годов и Февральской и Октябрьской революций 1917 года. В русской культуре дореволюционного времени имелись и «положительные исключения». К таковым автор относит, прежде всего, произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского.

Содержание

Введение	7
Литературное творчество как воображение	20
О воображении и фантазиях	22
Мечтательность и праздность	29
Литература как мир мечтаний и фантазий	33
Об истоках русской литературы XIX века	38
Русская праздность и литература	40
Русская литература – творчество	48
«избранных»	
Была ли русская литература зеркалом русской жизни?	54
Зеркало было, но кривое	56
Россия в восприятии Европы через призму русской литературы	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Валентин Катасонов

Ангелы и демоны

литературы

© Валентин Катасонов, 2019

© Издательский дом «Кислород», 2019

© Дизайн обложки – Петр Папихин, 2019

Введение

Предлагаемая книга представляет собой сборник статей и очерков, написанных автором в 2018–2019 годах. Сразу признаюсь, что никогда до этого почти ничего не писал по теме литературы, культуры и искусства. Именно поэтому в подзаголовке книги уточнено, что это «Полемические заметки “непрофессионала”».

Сфера моих первоначальных интересов достаточно прозаична и далека от художественного творчества – экономика. Но через постоянные размышления об экономике я неизбежно вышел в другие сферы человеческого бытия – политику, право, этику, науку, философию. Где-то в свое время прочитал афоризм: «Чтобы быть хорошим экономистом, надо хорошо знать экономику и всё остальное». Вот последние годы и занимаюсь «всеми остальными», пытаюсь ликвидировать пробелы своего узкопрофессионального образования.

Через какое-то время мне показалась убедительной и многообъясняющей формула: «Человек – мера всех вещей». Конечно, еще со студенческой скамьи я знал эту крылатую фразу, принадлежащую древнегреческому философу Протагору. Но одно дело – знать, другое дело – понимать. После Протагора многие философы и просто умные люди полагали, что именно человек определяет, что истинно, а что ложно. И в соответствии с этим видением истины и лжи, добра

и зла, света и тьмы человек выстраивает свою собственную жизнь и пытается влиять на формирование правильного общества. Поэтому я для себя несколько расширил трактовку формулы Протагора: человек не только мера всех вещей, но он также причина всех вещей. Естественно, что под «вещами» понимаются не только физические объекты, но и человек сам, а также окружающая его социальная среда.

Постепенно пришло понимание, что состояние той же самой экономики зависит от человека, рассматриваемого во всей его многогранности – интеллектуальных способностей, привычек и отношения к труду, а главное – нравственного состояния. А от чего зависят эти свойства человека, почему человек не является некой константой, почему в одном и том же обществе (иногда даже в одной семье) сосуществуют добрые и злые, умные и глупые, желающие трудиться и уклоняющиеся от труда и т. п.? Протагор на эти вопросы ответа не дал. Уже вскоре после Протагора софисты поставили под сомнение формулу этого философа. Мол, человек не может даже определить, где правда и истина, а где кривда и ложь. Те же самые софисты, поднатюрившие в логических манипуляциях, могли тому самому человеку, которого Протагор называл «мерой всех вещей», доказать, что белое есть черное, а черное – белое.

Сократ, Платон, Аристотель и прочие философские гении античного времени ломали голову над формулой Протагора, пытаясь предложить свою, более совершенную и без-

упречную, но так и не сумели этого сделать. Лишь две тысячи лет назад всё встало на свои места. Появилось христианство. В христианском мировоззрении человек не является высшей инстанцией. Над ним есть Троица, являющийся мерой и причиной всех вещей. Человек создан по образу и подобию Бога. Человек, наделенный свободой, может приближаться к Богу (увеличивая свое подобие Богу) или удаляться от Него (теряя подобие). Изменение духовного состояния человека (т. е. его отношения к Богу) неизбежно отражается и на душевном состоянии человека (ум, чувства, воля), в конечном счете, и на его физическом состоянии. Изменения человека не могут не отражаться в разных областях социальной сферы и профессиональной деятельности людей.

Для начала я решил показать и объяснить этот тезис на примере экономики. В итоге родилась книга *«Православное понимание экономики»*¹. Параллельно занимался изучением того, как духовное состояние человека влияет в целом на социальную сферу человеческой жизни. Причем старался ничего не «высасывать из пальца», а попытаться обобщить результаты поисков российских мыслителей (Константина Леонтьева, Льва Тихомирова, Владимира Соловьева и др.) в этой области. В результате родилась книга *«Русская*

¹ Катасонов В. Ю. Православное понимание экономики. – М.: Русская цивилизация, 2017.

*социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков»*².

В эпоху Нового времени на человека сильнейшее воздействие стали оказывать такие общественные институты, как наука (включая философию), образование, культура. Влияние почти исключительно негативное. Критерием оценки для меня является то, происходит ли приближение человека к Богу или, наоборот, удаление. Возрастает ли в человеке подобие Божие или, наоборот, умаляется. Изучению влияния на человека и общество науки я посвятил книгу *«Лжепророки последних времен. Дарвинизм и наука как религия»*³. Как можно догадаться из самого названия книги, наука стала постепенно и неумолимо заменять религию и Бога. А формула Протагора получила новое звучание: «Ученый – мера всех вещей».

Особое внимание я уделил такому институту, как философия, которая, казалось бы, должна доходить до самых высоких вершин и самых глубоких глубин метафизики. Но философия Нового времени, базирующаяся на догматах материализма, рационализма, позитивизма и, в конечном счете, атеизма, оказалась не способна ответить на вызовы Нового времени. Она всё более и более уводила человека и человечество от Бога, возрождая гуманизм, а вместе с тем и догмат

² Катасонов В. Ю. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. К. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. Ю. Соловьев, С. Булгаков, С. Шарапов. – М.: Родная страна, 2015.

³ Катасонов В. Ю. Лжепророки последних времен. Дарвинизм и наука как религия – М.: Кислород, 2017.

Протагора «Человек – мера всех вещей». Только у профессиональных философов эта формула стала звучать еще более вульгарно: «Философ – мера всех вещей». Свои взгляды на философию Нового времени я изложил в книге *«Философия и христианство»*⁴.

Размышлял я и о деструктивной роли образования в современном мире. Мысли на этот счет я изложил в книгах *«О судьбах народов и человечества. Очерки, навеянные трудами святителя Николая Сербского»*⁵ (раздел IX «Об образовании и просвещении») и *«Мир глазами святителя Николая Сербского»*⁶ (часть V «О науке и образовании»). И тут мы также видим, какую ужасную метаморфозу претерпевает формула Протагора. В школе она теперь звучит так: «Учитель – мера всех вещей». А в университете иная версия: «Профессор – мера всех вещей».

И вот, наконец, я добрался до культуры. Думаю, читателю не надо доказывать, насколько велико влияние на человека и общество культуры и таких ее сфер, как театр, кинематограф, изобразительное искусство, музыка и художествен-

⁴ Катасонов В. Ю. «Философия и христианство. Полемиические заметки “непрофессионала”». – М.: Библиотека РЭО им. С. Ф. Шарапова, 2018 (серия «В поисках истины»).

⁵ Катасонов В. Ю. О судьбах народов и человечества. Очерки, навеянные трудами святителя Николая Сербского. – М.: Русская цивилизация, 2018 (серия «Метафизика истории»).

⁶ Катасонов В. Ю. Мир глазами святителя Николая Сербского. – М.: Русская цивилизация, 2018 (серия «Метафизика истории»).

ная литература. Для России художественная литература по сравнению с другими странами особенно значима. В СССР при любом удобном случае партийно-государственные деятели страны и советские СМИ любили напоминать о том, что мы – самая читающая в мире страна. Может быть, это действительно было так. Но возникает вопрос: что читала страна? Была ли это по-настоящему художественная литература или народ читал партийную пропаганду, облаченную в художественные формы? Почему чтение книги советскими людьми не приводило к сколь-нибудь заметному нравственному возрастанию народа? И уж совсем крамольный вопрос: не стало ли чрезмерное чтение художественной литературы советским человеком причиной гибели СССР и последующих трагических и кризисных явлений в нашей жизни?

Мне могут возразить, что читали ведь не только советскую художественную литературу, которая за редкими исключениями действительно выглядела как агитационно-пропагандистская. Читали ведь и русских писателей до-революционного времени, которые творили без «социального заказа» от Союза писателей СССР и ЦК КПСС. Сколько было сказано и написано о «великой русской литературе XIX века»! Да, у России в позапрошлом веке было много болячек и хворей в социально-экономической сфере, но вот культура, особенно художественная литература, была на недостижимой высоте. В XIX веке Запад Россию (впрочем, как и в предыдущие века) сильно не любил. Но, тем не ме-

нее, русской культурой и литературой восхищался. А почему восхищался? Может быть, ненавистники России были заинтересованы именно в такой литературе? Невольно на память приходит крылатая фраза: «Если тебя хвалит враг – подумай, какую глупость ты совершил» (Август Бебель). Нет, я не хочу огульно хаять русскую литературу позапрошлого века. Но от опасного самодовольства хочу перейти к серьезному, нелицеприятному рассмотрению русской литературной «классики», которое может очень сильно отличаться от того подхода, какой практиковался и практикуется в наших школах и университетах.

Святитель Василий, епископ Кинешемский (Преображенский):

«Вряд ли мы оцениваем как должно то влияние, какое имели любимые нами герои литературных произведений на склад нашей психологии, на наши вкусы, стремления, на всё наше мировоззрение. Наша беда состоит в том, что в русской литературе мало положительных типов, заслуживающих подражания. Особенно это плохо для молодежи, которая всегда склонна к увлечению литературными героями и для которой воспитание больше чем наполовину состоит в подражании. В самом деле, вот перед нами галерея литературных типов: Онегин, Печорин, Рудин, Чичиков и т. д. Кто из них может служить образцом для подражания? А между тем за отсутствием положительных типов молодежь в свое время копировала в жизни даже этих духовно изуродован-

ных людей. В результате среди русского общества само понятие об идеальном нравственном типе стало весьма смутным и редко кто может сказать о себе, что у него есть ясное представление о том идеальном образе человека, воплотить который он хотел бы в себе»⁷.

Увы, по отношению к художественной литературе Нового времени можно применить формулу Протагора, немного ее скорректировав: «Писатель – мера всех вещей». Нет ничего более опасного, когда в обществе писатель заменяет Бога. И это одна из причин того, что художественная литература действительно несет серьезную ответственность за революции, мировые войны, кризисы и всеобщее одичание людей. Россия в этом отношении не представляет собой исключения. Мир разделился на две неравные части: те, кто пишет книги, и те, кто книги читает. Человек пишущий (*homo scribens* – лат.) начинает властвовать над человеком читающим (*homo legens* – лат.).

Впрочем, не стоит думать, что человек пишущий – существо свободное и абсолютный властитель мира. Над ним есть руководящая инстанция – Бог или дьявол. Эта невидимая «руководящая инстанция», выражаясь современным языком, выступает «заказчиком», а литератор – лишь «исполнителем». При необходимости такая «инстанция» может оказывать литератору помощь в его творческом процессе,

⁷ Святитель Василий, епископ Кинешемский (Преображенский). Беседы на Евангелие от Марка. – М.: Отчий дом, 2014, сс. 394–395.

исполнении «заказа». Для того писателя или поэта, который не очень понимает или совсем не понимает духовную природу литературного творчества, скорее всего, заказчиком и помощником будет персонаж с рогами и копытами. К сожалению, эта сторона литературы не очень понятна или совсем не понятна и той части человечества, которую называют *homo legens*. В предлагаемой книге я акцентирую внимание читателей не на привычных литературно-филологических аспектах писательской деятельности, а именно на духовной стороне, на взаимоотношениях *homo scribens* с «руководящими инстанциями».

Только основываясь на фундаменте православного понимания мира, можно в полной мере оценить влияние художественной литературы на общество и человека. Тут нам могут очень помочь христианские святые, особенно те, которые жили в Новое время, когда началось быстрое распространение в мире художественной литературы. В книге я не раз буду, например, ссылаться на святителя Игнатия (Брянчанинова), жившего в XIX веке. Так, в своей известной работе «Слово о человеке» святитель писал, что человек «изобрел различные науки и искусства, которые точно способствовали и способствуют к умножению и развитию этих вещественных удобств, но вместе способствуют и к сильнейшему развитию греховной жизни, к запечатлению и утверждению падения украшением падения многоразличными призраками благосостояния и торжества».

Очевидно, что, упоминая «искусства», святитель имел в виду и художественную литературу. Святитель Игнатий не делал принципиального различия между учеными, философами и людьми искусства, куда он включал и литераторов. Всех их он именовал «книжниками», имея в виду, что они духовные последователи тех ветхозаветных книжников, которые убили Христа. Читаем: «Философы и художники были величайшими поборниками идолопоклонства и врагами истинного Богопознания. По водворении христианской веры в мире ученость родила бесчисленные ереси и ими старалась ниспровергнуть Святую Веру. Величайшее злодеяние – убийство Богочеловека – совершено учеными во имя их мудрости и во имя их закона (Ин. 11:49–50). В наше время ученость возвращает язычников, принявших христианство, к язычеству и, отвергая христианство, вводит снова идолопоклонство и служение сатане, изменив формы для удобнейшего обольщения человечества. Редкий, весьма редкий книжник научается Царствию Небесному и износит новое учение Духа пред общество собратий своих, облакая это учение в ветхие рубища учености человеческой для того, чтоб оно было удобнее принято любящими более ветхое, нежели новое (Мф. 13:52; Лк. 5:39)»⁸.

Сборник очерков я назвал полушутливым выражением «Литературный цех». Здесь есть некая аналогия с названи-

⁸ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке (раздел «Идолопоклонство»).

ями нескольких поэтических объединений, которые существовали у нас в эпоху «серебряного века», т. е. в начале XX века, они назывались «поэтическими цехами»⁹. Но слово «цех» я еще употребил потому, что у меня до этого были работы, в которых я разбирал творческую деятельность таких профессиональных сообществ, как экономисты, ученые, философы, юристы. По отношению к указанным сообществам я уже применял выражения «профессиональные корпорации» и «цеха». Так что разговор о литературе я стараюсь вести с использованием привычной мне терминологии.

К литературе можно применить метафору о «цикуте» (известный в древности сильный яд, которым был отравлен Сократ) и «меде» в философии, примененную византийским богословом святителем Григорием Паламой (1296–1359).

В своих работах и проповедях он призывал христиан воздерживаться от излишнего увлечения философией и не отрицал того, что философы иногда говорят очень правильные вещи. Но правда философии, этого человеческого мудрования, всегда перемешана с кривдой – откровенной ложью, искажениями или заблуждениями «любителей мудрости». Поэтому Григорий Палама и говорил, что философия производит напиток, состоящий из меда и цикуты, т. е. правды и кривды. Первую он называл медом. Вторую он называл цикутой – сильнодействующим ядом. Святитель писал: «Итак,

⁹ Всего до революции 1917 года было три «поэтических цеха» и еще один в 1920-е годы в эмиграции.

у светских философов есть и кое-что полезное, также как в смеси меда и цикуты; однако можно сильно опасаться, что те, кто хочет выделить из смеси мед, выпьют нечаянно и остаток смертоносный»¹⁰.

Художественная литература напоминает мне именно такую смесь «меда» и «цикуты». Чтобы прикоснуться к художественной литературе, надо уметь отделять «мед» от «цикуты». А также при необходимости вообще воздерживаться от этого опасного, но очень соблазнительного напитка. Чем-то мне этот напиток напоминает тот плод, висевший на древе познания добра и зла в раю, который первые люди вкусили, несмотря на запрет Бога. Сравнения тем более напрашиваются, если речь идет о литературе сегодняшнего дня. Это (за редкими исключениями) уже напиток из чистейшей цикуты. Или плод, в котором не осталось даже примесей добра. Напиток смерти. Плод убийства и самоубийства.

Но мы не должны отчаиваться. С нами всегда напиток из чистейшего и целительного меда. Напиток Жизни. И называется он Священное Писание. Я и сам не заметил, как уже раскрыл основные тезисы своей книги. Впрочем, наиболее любознательные могут найти подкрепление этих тезисов в следующем ниже тексте, оснащенном ссылками на многочисленных мудрых людей. Выражаясь экономическим языком,

¹⁰ Цит. по: Алипий (Кастальский-Бороздин), архимандрит. Исаяя (Белов), архимандрит. Догматическое богословие: Курс лекций. – Троице-Сергиева Лавра, 1995, с. 14.

«добавленная стоимость» автора в предлагаемом «продукте» весьма скромная. Моя задача заключалась не в том, чтобы что-то придумывать и изобретать новое и «гениальное», а в том, чтобы донести до читателя без искажения мысли других авторов.

Литературное творчество как воображение

*Воображение – способность формировать
и удерживать образы – есть способность
чернорабочая... самая низшая.*

Святитель Феофан Затворник

О воображении и фантазиях

Нередко воображение играет странную игру с человеком, которому кажется, что он и выше нравственности, и разумнее разума.

Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер, немецкий философ, поэт, драматург и искусствовед

Воображение и фантазии – сегодня в почете эти качества и способности человека. В наше время эталоном считается так называемый «креативный человек» – тот, кто умеет что-то создавать, творить (от лат. *creatio* – «сотворение», «создание» и англ. *creative* – «творческий»). Почти аксиомой считается, что креативный человек – тот, у кого развиты воображение и фантазия. Это и мне внушали, когда я учился в школе и вузе, в том числе цитируя великих людей. Так, Альберту Эйнштейну принадлежит «крылатая фраза»: «Воображение важнее знания». А вождь мирового пролетариата Владимир Ленин весной 1922 года в своем заключительном слове по докладу ЦК на XI съезде РКП (б) сказал, что «фантазия есть качество величайшей ценности».

Фантазия и воображение считаются почти синонимами. В учебнике по психологии воображение определяется как способность человека к спонтанному возникновению или преднамеренному построению в сознании образов, представлений, идей объектов, которые в опыте в целостном виде не

воспринимались или не могут восприниматься посредством органов чувств (как, например, события истории, предполагаемого будущего, явления не воспринимаемого или мира, не существующего вообще – сверхъестественные персонажи сказок, мифов и пр.)¹¹.

В учебниках по психологии и педагогике важнейшей задачей воспитания ребенка считается развитие у него воображения, что почти идентично развитию творческих способностей. В Философской энциклопедии фантазия прямо называется важнейшей «творческой силой»¹².

Многие частные школы, рекламируя свои «образовательные услуги», в первую очередь обещают, что сумеют развить в детях эти самые способности воображения и фантазии. Наверное, какие-то элементы воображения человеку в его практической деятельности действительно нужны. Скажем, прежде чем построить дом, он его проектирует, а проект предполагает мысленное представление будущего дома. Затем это мысленное представление фиксируется в чертежах. Назовем такое воображение конкретно-практическим, нацеленным на создание или преобразование чего-то материального, воспринимаемого нашими органами чувств.

По поводу фантазии и воображения размышлял Федор

¹¹ Климов Е. А. Основы психологии: Учебник для вузов. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997.

¹² «Фантазия» // Философский энциклопедический словарь, 2010 (https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3556/%D0%A4%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%97%D0%98%D0%AF).

Михайлович Достоевский. Будучи писателем, он не мог обходиться без воображения. Вот его слова: «Фантазия есть природная сила в человеке... Не давая ей утешения, или умертвишь ее, или, обратно, – дашь ей развиться, именно чрезмерно (что и вредно)»¹³. Фантазия в ее конкретно-практическом варианте не является, по мнению некоторых авторов, какой-то высшей способностью. Вот слова святителя Феофана Затворника, который вообще относил фантазию к низшим способностям: «Воображение – способность формировать и удерживать образы – есть способность чернорабочая... самая низшая»¹⁴.

Но, увы, такое конкретно-практическое воображение, называемое проектированием, планированием, конструированием или моделированием, ушло на второй и даже третий план. На первое место вышли «фантазии», понимаемые как некие умственные построения, оторванные от реальной почвы нашей жизни. Такие фантазии можно назвать «мечтаниями», «утопиями», «парением ума», «иллюзорным миром» и даже «галлюцинациями». Все это в совокупности можно назвать «*праздномыслием*». Произошло уклонение фантазии в сторону чрезмерного ее развития, что Достоевский назвал «вредным».

¹³ Письмо Н. Л. Озмиздову (18 августа 1880 года) // Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15 тт. Т. 15, с. 643.

¹⁴ Цит. по: Ладыженский М. Свет незримый: Из области высшей мистики. – М.: ЛитСовет, Dialar Navigator В. V., 2017.

Непомерно развитую фантазию человека можно сравнить с крючком, на который бесы цепляют свою жертву и затягивают в свои сети: «Бесы искушают мысленными мечтаниями и образами, проникают в сокровенную душу человека через фантазию и воображение, поэтому богоумудренные святые отцы Православия называли фантазию демоническим местом в душе человека. Фантазия есть извращенное внутреннее чувство, явившееся результатом грехопадения, и в восстановленном, очищенном человеке, в Царстве Божием ей не должно быть места. У Адама до грехопадения ум не имел фантазии, Адам видел и знал Бога; фантазия появилась только после преступления человека в раю»¹⁵.

Чрезмерный интерес к фантазиям характерен для западноевропейской мистики. Такое увлечение культивировали в католицизме Франциск Ассизский и Игнатий Лойола. С помощи фантазии они стремились постичь тайны Бога и духовного мира. А большинство святых отцов Восточной Церкви (Григорий Синаит, Григорий Палама, Симеон Новый Богослов и др.) предупреждали, что мистические фантазии могут вводить человека в прелесть.

Так, преподобный Григорий Синаит писал: «Приступающий к созерцанию без света Благодати да ведает, что он строит фантазии, а не созерцания имеет, в мечтательном ду-

¹⁵ Каббала – заговор против Бога. – М.: Сибирская благовонница, 2008, сс. 263–264.

хе, будучи опутываем фантазиями и сам себя обманывая»¹⁶.
Еще: «Чувственный и многоречивый дух мудрости века сего, богатящий словами, призратно лишь являющими многоведение, и наполняющий помыслами наидичайшими, творит в них себе обитель, лишив существенной премудрости, истинного созерцания и ведения нераздельного и единичного»¹⁷.

Обратим внимание на замечание преподобного Григория Синаита: «Чувственный и *многоречивый* дух мудрости века сего, *богатящий словами*» (*курсив мой* – В. К.). Многословие и многоречивость становятся признаком мудрости века сего. Но обилие слов и речей лишь иллюзия обширного знания (многоведения). Премудрость подменяется «помыслами наидичайшими».

Человек отрывается от Слова Бога. И тут возникает два тяжелейших последствия. Во-первых, изначальные слова, полученные человеком от Бога, начинают подвергаться в человечестве порче. С течением времени меняется их внутренний смысл, они становятся лукавыми. Во-вторых, человек с помощью этих испорченных, или ложных слов начинает конструировать свой мир. И этот мир оказывается иллюзорным. А в иллюзорном мире человека подкарауливает дьявол.

Приведу еще ряд высказываний святых отцов Русской

¹⁶ Преподобный Григорий Синаит. Главы о заповедях и догматах, угрозах и обетованиях, – еще же – о помыслах, страстях и добродетелях, – и еще – о безмолвии и молитве (http://www.odinbla-go.ru/dobrotolubie_5/grigory_sinait/glavi).

¹⁷ Там же.

Православной Церкви по поводу мечтательности, фантазий и праздномыслия. *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*: «Духи злобы с такой хитростью ведут брань против человека, что приносимые ими помыслы и мечтания душе представляются как бы рождающимися в ней самой, а не от чуждого ей злого духа, действующего и вместе старающегося укрыться... (Бесы) невидимо приближаются к душе, стараются подействовать на нее помыслами и мечтаниями. Желая склонить человека к сладострастию, они представляют ему в воображении животные соблазнительные образы и многочисленные средства к удовлетворению плотского вожделения. Желая обольстить тщеславием, представляют в обольстительной картине земное преуспеяние. Желая оковать сребролюбием, представляют продолжительную и тягостную старость, также предлоги, на которых зиждется этот порок. Словом сказать: они обольщают и угрожают – всеми средствами стараются окрасть веру в Бога, отвлечь под свое водительство»¹⁸.

Святитель Феофан Затворник: «Как орган заведут – и он играет уже заведенную песню сам, так враг заведет мечтание в душе – и отходит, наблюдая. Мечтание уж само тянется и тянется. Когда кончится мечтание, враг подбегает и ухитрится завести другое мечтание – и опять отбегает и смотрит. Когда кончится это мечтание, подбегает и заводит третье и

¹⁸ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о чувственном и о духовном видении духов. Введение. 1. О чувственном видении духов.

так далее. Если отобьют его, решительно отсекая всякое мечтание, он не спесив – отстраняется немного и всё смотрит, как бы опять с другой какой стороны завести свое мечтание. И не отходит, пока не успеет в сем. В этом всё его занятие. Когда в мечтании появится движение страсти, он подбегает и действует, чтоб увлечь и выманить сочувствие или даже согласие, полное или неполное. Если успеет в этом, учит далее, как привести задуманное в дело. И момента нет, чтоб он спустил с глаз душу и пресек свои против нее злоумышления»¹⁹.

А вот еще мысль святителя Феофана Затворника о том, что мечтания происходят от страстей грешного человека: «Человек-мечтатель живет как в какой атмосфере страстной, составленной из внутренних образов и внешнего призрачного вида вещей... Главная, можно сказать, немощь фантазии у грешников есть склонность мечтать. Это не случайное нечто, а неизбежное, как бы сроднившееся с душою их, такое, что непрерывно и почти у всех. Свойства сей мечтательности, именно: удаление от действительного, развлечение, смятение, непостоянство мыслей»²⁰.

¹⁹ Святитель Феофан Затворник. Примеры записывания добрых мыслей..., п. 101.

²⁰ Святитель Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения, ч. 1.

Мечтательность и праздность

*Строительство воздушных замков ничего не стоит, но их разрушение обходится очень дорого.
Франсуа Мориак, французский писатель, лауреат
Нобелевской премии по литературе (1952)*

Святые отцы говорят, что мечтания особенно «сказочные» происходят от праздности, т. е. состояния, когда человек или ничего не делает, или если и делает что-то руками, то в это время его ум не занят никаким необходимым или полезным для души размышлением или молитвой. Мечтания – пустые, бесполезные и даже вредные мысли. То, что святые отцы называют «праздномыслием».

Вот высказывания святых отцов раннего христианства о связи праздности и мечтательности.

Святитель Василий Великий: «Праздной и беспечной душе свойствен этот недуг – в бодрственном состоянии тела видеть сны»²¹.

Преподобный Исаак Сирий: «Уныние – от парения ума, а парение ума – от праздности, чтения и суетных бесед или от пресыщения чрева»²².

Преподобный Нил Синайский: «...мысль о странствовании

²¹ Святитель Василий Великий. Беседа 3, на слова «внемли себе» (Втор. 15:9).

²² Преподобный Исаак Сирий. Слова подвижнические, слово 30.

увлекает предавшегося унынию»²³.

Преподобный Никодим Святгорец, живший в XVIII веке, отмечает, что праздность порождает нечистые мысли: «*Алиба ленивца убьет его, потому что руки его отказываются работать*» (Притч. 21:25). Весь день он желает зла. Часто ленивый на деле не совершает ничего плохого, потому что он вообще ничего не хочет делать, но, несмотря на это, он ежедневно погружается мыслями в нечистоту»²⁴.

А вот ряд высказываний на эту тему наших (российских) святых отцов, иерархов Русской Православной Церкви и богословов XVIII–XIX веков.

Святитель Тихон Задонский: «Не только в праздности (и лени) быть и жизнь без добрых трудов проводить грешно, как сказано, но это и многих зол причиной бывает. Ибо сердце человеческое праздну быть не может, но какими-нибудь мыслями занято бывает. А поскольку оно склонно ко всякому злу, то к праздному сердцу, которое никакими полезными трудами не занято, не иначе как к дому праздному, выметенному и украшенному, удобно приступает душевный враг дьявол, и мыслями злыми, как вредными плевелами, наполняет его, и в самое действие злые похоти производить поучает: оттуда бывает, что праздность много беззаконий рождает и ко всякому добру бесплодна бывает»²⁵.

²³ Преподобный Нил Синайский. О восьми лукавых помыслах, гл. 13.

²⁴ Преподобный Никодим Святгорец. Поучения. Две сети диавола.

²⁵ Святитель Тихон Задонский. Об истинном христианстве, кн. 1, § 100.

Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий: «... известно, что праздность порождает еще более рассеяние и земные помыслы. Среди труда, если мысль и обращается в земном, то, по крайней мере, около предметов труда, всё еще довольно чистых и невинных, а там, у праздности, мысль любит парить и извиваться около предметов самых чувственных и нечистых. Это рассеяние мыслей, на которое в вашем состоянии так часто жалуются, вообще сродно нашей падшей и нечистой природе»²⁶. А вот еще одно высказывание Иннокентия Херсонского на эту тему: «Никто так не обуреваем множеством нечистых помыслов и желаний греховных, как человек праздный: мысль его, не утвержденная ни на каком предмете, носится всюду и подобно ворону Ноеву, всегда останавливается на том, что манит чувственность; воображение в таком случае обыкновенно рисует пред собою образы обольстительные, кои случалось когда-либо видеть; память представляет случаи, когда страсти находили себе преступное удовлетворение; ум плодит – то разные замыслы житейские, то сомнения о предметах священных; сердце располагает к разным страстным движениям»²⁷.

Архиепископ Черниговский Филарет: «Есть насекомые, которые охотно держатся в грязи. Такова душа праздная.

²⁶ Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий. Слово ... сказанное в Устюжском Иоанно-Предтеченском женском монастыре.

²⁷ Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий. Слово в пяток 1-й недели Великого поста.

Воображение ее наполнено нечистыми картинами, от которых воспаляются грязные страсти. Пирь, гулянье, забавы, дела гнусные – вот что на уме ее!»²⁸

Известный русский психолог, философ и богослов *Вениамин Алексеевич Снегирев* (1841–1889) писал: «... люди... с прекращением действительной умственной деятельности, в часы вольного или невольного досуга, при ослаблении сношения с миром действительным, весьма часто предаются творческому процессу построения образов, так называемому “мечтанию” или построению “воздушных замков”»²⁹.

²⁸ Архиепископ Черниговский Филарет. Сб. «Цветник духовный, ч. 2, гл. 16.

²⁹ Цит. по: О праздномыслии, или о мечтаниях, блуждании и рассеянии ума (<http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=prazdnomislie>).

Литература как мир мечтаний и фантазий

*Литература – это управляемое сновидение.
Хорхе Луис Борхес, аргентинский прозаик и поэт*

Я уже писал в книге «Лжепророки последних времен» о том, какие искажения и извращения в понимание мира может вносить современная наука (под современной понимаю ту науку, которая возникла на рубеже Средних веков и Нового времени)³⁰. В науке (как и в художественной литературе) хватает своих фантазий, а фантастические картины строятся с помощью должных слов.

Ученые начинают придумывать свой мир, создавать бесчисленное количество гипотез о происхождении Вселенной и человека, рисовать будущее космоса, нашей планеты, рассказывать о кардинальных перестройках человека и человечества. При этом гипотезы-фантазии постепенно превращаются в теории, а теории со временем возводятся в ранг учений и аксиом. Особенно опасными становятся учения об идеальном обществе. Человек забывает, что в истории был уже рай, из которого он был изгнан, и начинает фантазировать о том, что своими силами сумеет построить рай на Зем-

³⁰ См.: Катасонов В. Ю. Лжепророки последних времен. Дарвинизм и наука как религия. – М.: Кислород, 2017.

ле.

На помощь ученой братии приходят писатели и поэты, которые заняты созданием литературных фантазий – как социальных, так и связанных с личными желаниями человека.

Социальные фантазии – утопии (типа «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы или «Утопии» Томаса Мора) или антиутопии (типа романов «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, «1984» Джорджа Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» Рэя Бредбери).

Фантазии, связанные с личными желаниями человека, – мечтания, которые за редкими исключениями носят греховный плотский характер. Половина всей мировой художественной литературы – о любви. Но не о той высокой бескорыстной и жертвенной любви, которая является чуть ли не главной темой Нового Завета, а о плотской любви. Такая литература порождает греховные фантазии, нередко заканчивающиеся реальными греховными поступками, и рано или поздно перерастает во всеобщий Содом.

Своеобразным катализатором, усиливающим действие фантазий, выступают наркотики. Литература может подталкивать человека к тому, чтобы эффект продуцированных книгами или произведениями искусства фантазий был искусственно усилен. Здесь особое место занимает книга Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», рисующая будущее человечества, которое будет сидеть на наркотической игле. И, что примечательно, не будет при этом испытывать каких-то

нравственных переживаний, ибо вся жизнь будет сводиться к чувственным удовольствиям. С другой стороны, наркотики стали рассматриваться как мощный стимулятор литературного творчества. Если половина «литературных гениев» получала «вдохновение» с помощью вина и других крепких напитков, то другая половина – с помощью наркотиков. Тот же самый Олдос Хаксли постоянно прибегал к наркотическому «допингу». Фактически он своим образом жизни и своей литературой пропагандировал это зелье. Им была даже написана книга под названием «Наркотики, которые формируют умы людей»³¹.

Писатель (или поэт) не только затягивает в иллюзорный мир своих читателей (иногда их число измеряется миллионами), но зачастую он сам также оказывается на крючке у дьявола. Причем литератор это сам начинает чувствовать и понимать, но сил и воли сорваться с крючка уже нет. Он раб своего «начальника» и вынужден ему служить. Вот, например, известный французский писатель Виктор Гюго, попал на крючок дьявола в ранние годы, вероятно, свою роль сыграла наследственность. Как пишет Ю. Воробьевский, в роду этого писателя «было полно сумасшедших», а сам он был «визионером и считал себя пророком новой религии, обладающим «волшебной силой», избранником, призванным ве-

³¹ Хаксли О. Наркотики, которые формируют умы людей. – М., 1990 (https://royallib.com/book/haksli_oldos/narkotiki_kotorie_formiruyut_umi_lyudey.html).

сти человечество вперед»³².

Виктор Гюго сам находился на грани сумасшествия и в моменты «прозрения» понимал и описывал свое состояние, называя его сомнамбулизмом: «Этот сомнамбулизм свойствен человеку. Некоторое предрасположение ума к безумию, недолгое или частичное, совсем не редкое явление... Это вторжение в царство мрака не лишено опасности. У мечтательности есть жертвы – сумасшедшие. В глубинах души случаются катастрофы. Взрывы рудничного газа... Не забывайте правила: надо, чтобы мечтатель был сильнее мечты. Иначе ему грозит опасность... Химера может подточить человеческий мозг...»³³ Итак, где грезы, мечтания, там рядом и безумие.

Один из биографов Виктора Гюго французский писатель Андре Моруа пишет о своем герое: «Он знает о таком соседстве. Всякий мечтатель (а Виктор Гюго любит называть себя Мечтателем) носит в себе воображаемый мир: у одних это грезы, у других – безумие... В Викторе Гюго Мечтатель всегда был сильнее мечты. Его спасло то, что он сублимиро-

³² Воробьевский Ю. Бумагия (М. Булгаков и другие неизвестные). – М., 2012, с. 230.

³³ Цит. по: Моруа А. Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго (<https://www.litmir.me/br/?b=66527&p=33>). Будучи склонным к мечтательности, Гюго пытался бороться с этой своей слабостью. По крайней мере, он понимал опасности мечтаний. Ему принадлежит афоризм: «Мыслитель имеет определенную цель, мечтатель не имеет никакой».

вал в стихах свою тоску и галлюцинации»³⁴. Но дело в том, что эта тоска и эти галлюцинации через растиражированные стихи поэта заразили миллионы и миллионы читателей, не только во Франции, но и в других странах, в том числе в России. И многих из них они довели до сумасшествия. «Начальник» и «художественный руководитель» Виктора Гюго, должно быть, с удовлетворением потирал и потирает руки (вернее – лапы), видя результаты работы, проделанной его подопечным.

³⁴ Там же.

Об истоках русской литературы XIX века

Я в литературе не мастер, но и русская литература, по-моему, вся не русская, кроме разве Ломоносова, Пушкина и Гоголя.

**Федор Михайлович Достоевский «Идиот» (слова
Евгения Павловича Радомского)**

Русская праздность и литература

*Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.*

*Александр Сергеевич Пушкин, роман в стихах «Евгений
Онегин» (о Владимире Ленском)*

Если говорить о России, то праздность стала настоящей болезнью русского общества со второй половины XVIII века. Толчком для распространения праздности в обществе стал подписанный императором Петром III в 1762 году «Манифест о вольности дворянства». Историки говорят, что фактически указ был инициирован и подложен на подпись будущей императрицей Екатериной II, бывшей на тот момент супругой императора. Основные положения Манифеста были подтверждены в Жалованной грамоте дворянству в 1785 году. Согласно Манифесту, все дворяне освобождались от обязательной гражданской и военной службы; состоявшие на государственной службе могли выходить в отставку. Дворяне получили право беспрепятственно выезжать за границу, но обязаны были по требованию правительства, «когда нужна востребует», возвращаться в Россию. Манифест объявлял службу почетным долгом дворянства и призывал ее продолжать. Однако, воспользовавшись разрешением, многие дворяне сразу после обнародования документа подали проше-

ния об отставке. Так началось сначала не очень видимое, но впоследствии (уже в XIX веке) стремительное разложение элиты общества. Как отмечает А. С. Пушкин в «Заметках по русской истории», этим указом «Екатерина унизила дух дворянства». Кроме того, при Екатерине II началась активная раздача дворянских званий (потомственное дворянство было отменено еще Петром I, для искателей «фортуны» появился непреодолимый соблазн добиваться дворянства и соответствующих привилегий интригами и обманом). И Пушкин продолжает: «Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. Все было продажно. Таким образом, развратная государыня развратила свое государство»³⁵.

Дворяне военной и иной «государевой» службе стали предпочитать удовольствия и праздность: сибаритство, игры в карты, балы, пиры, наряды, поездки за границу и длительное пребывание в Европе.

Всё это прекрасно показано в романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Главный герой романа Евгений Онегин, дожив «без службы, без жены, без дел» до 26 лет, не знает, чем заняться. Он живет в шумном Петербурге, предаваясь всевозможным столичным утехам. Пресытившись столичной жизнью, уезжает в деревню. Однако и сельская жизнь

³⁵ Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 тт. – Ленинград: Наука, 1977–1979. // Том 8, 1978, с. 93.

ему быстро надоедает. Иногда совершает далекие путешествия, время от времени ездит в гости к соседним помещикам, но и это не спасает от скуки. Опять уезжает из деревни в Петербург, и. т. д.

Вот как А. С. Пушкин в стихотворении «Добрый совет» выражает этот *modus vivendi* (образ жизни) дворянства:

*Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.*

Но помимо грубого гедонизма (получение плотских удовольствий и наслаждений), часть дворянства стала предаваться утонченному гедонизму – удовлетворению так называемых культурных и «духовных» потребностей.

В качестве последних – увлечение европейскими философиями (сначала философами французского «Просвещения», затем немецкой классической философией). Более массовым явлением среди дворянской верхушки было приобщение к европейской художественной литературе. Тот же Евгений Онегин спасается от скуки чтением романов.

Читали романы и поэмы европейских авторов не только мужчины, но и представительницы «слабого пола». Путешествовавший по России в первой половине XIX века Теофиль Готье отмечал, что женщины очень развиты: «...с легкостью они читают и говорят на разных языках. Многие чи-

тали в подлиннике Байрона, Гёте, Гейне...»³⁶ Удивление Готье оправдано. С. И. Лякишева в своей статье «Женское чтение в России в конце XVIII – начале XIX века» отмечает быстрое приобщение женской половины дворянского сословия к чтению, которое воспринималось как источник не только знаний, но и удовольствий: «Если в допетровские времена книга в России была предметом роскоши, при Петре I, преимущественно, – учебным пособием, то с конца XVIII – начала XIX века она, благодаря безупречному полиграфическому исполнению, стала восприниматься как источник знания и удовольствия»³⁷.

Всё это блестяще отразил в своем романе в стихах «Евгений Онегин» Александр Сергеевич Пушкин на примере Татьяны Лариной: ее главным занятием было чтение европейских романов:

*Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.*

Известный литературовед Юрий Лотман следующим образом комментирует увлеченность Татьяны Лариной зару-

³⁶ Лякишева С. И. Женское чтение в России в конце XVIII – начале XIX века // Ученые записки. – 2012. – Т. 13 (<https://docplayer.ru/39804832-Zhenskoe-chtenie-v-rossii-v-konce-xviii-nachale-xix-veka.html>).

³⁷ Там же.

бежными романами: «Текст письма Татьяны представляет собой цепь реминисценций в первую очередь из текстов французской литературы... Ее собственная личность – жизненный эквивалент условной романтической героини, в качестве которой она сама себя воспринимает»³⁸.

А что мужчины? Они в перерывах между кутежами, карточными играми и балами пытаются «убить время» чтением европейских книг.

Если обратиться еще раз к роману, то можно на примере главного героя увидеть, что для молодых помещиков чтение было отнюдь не чуждым занятием:

*Стал вновь читать он без разбора.
Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля,
Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят...*

Судя по контексту восьмой главы, герой романа читает бо-

³⁸ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарии. Гл. 3, ч. 4 (<http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/lotman/onegin-kommentarij/onegin-comments-3-4.htm>).

лее для отвлечения, чем из интереса. Список довольно большой, почти все авторы современные (для Онегина), преобладают французские писатели, причем ярко революционной окраски.

Судя по всему, привычка читать европейские романы сложилась и у другого героя – Владимира Ленского. Удивительно, но в ночь перед дуэлью Ленский читает Шиллера. Возникает ощущение, что герои романа «Евгений Онегин» не живут, а играют свои роли, которые они подсмотрели (прочитали) в различных литературных произведениях. Можно вспомнить, например, эпизод из второй главы «Евгения Онегина», когда Ленский над могилой Ларина-старшего повторяет слова Гамлета *poor Yorick!* из пьесы Шекспира.

То же самое мы находим в любовном сюжете Ленского. Пушкинист А. Н. Архангельский пишет о Ленском: «Он влюбляется в соседку, Ольгу Ларину, как герой романа – в героиню романа; видит в ней только поэтические черты, словно вычитал свою Ольгу в любовной лирике К. Н. Батюшкова:

Всегда скромна, всегда послушна

<...>

Как поцелуй любви мила;

Глаза, как небо, голубые,

Улыбка, локоны льняные,

Движенья, голос, легкий стан,

Всё в Ольге... но любой роман

*Возьмите и найдете верно
Ее портрет <...>.*

(Гл. 2, строфа XXIII)

Ленский воспринимает возлюбленную так же, как Татьяна воспринимает Онегина: сквозь призму литературы»³⁹.

Но для образованного русского дворянина намного интереснее самому писать романы и сочинять стихи. Пробует это делать и Евгений Онегин, но неудачно: «ничего не вышло из пера его». А вот другой герой – Владимир Ленский – находит в литературе и поэзии отдохновение, регулярно берется за перо:

*Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.*

Он жил и учился в Германии, «под небом Шиллера и Гёте», где «их поэтическим огнем душа воспламенилась в нем». Ленский – поэт романтического толка, «он пел поблеклый жизни цвет / Без малого в осьмнадцать лет». Ленский живет в мире поэтических иллюзий и мечтаний: «... Поэт, задумчивый мечтатель...». «...Он забавлял мечтою сладкой / Сомненья сердца своего...». А. С. Пушкин достаточно иронично оценивает литературные достоинства поэтического творчества Ленского: «...Берёт перо; его стихи, / Полны любовной чепухи...»

³⁹ Архангельский А. Н. Герои Пушкина (<https://lit.wikireading.ru/46176>).

И многие молодые дворяне начала XIX века, подобно Ленскому, погружаются в литературное творчество, при этом осознанно или неосознанно подражая таким кумирам, как Руссо, Байрон, Шиллер, Гёте и другие. Но об этом разговор ниже.

Русская литература – творчество «избранных»

Роман – дворянское дело.

Антон Павлович Чехов русский писатель, драматург

Иван Лукьянович Солоневич в «Народной монархии» полагает, что художественная литература родилась в России во времена реформы Петра I, разделившей народ на две части: первая – дворянство и вторая – всё остальное. И отпечаток этого разделения, раздвоения лежит на всей русской литературе, делая ее не вполне русской.

Иван Лукьянович пишет⁴⁰: «Укрепив свой правящий центр в далеком нерусском Петербурге, устранив на сто лет русскую монархию, превратив себя – в шляхту, а крестьянство – в быдло, согнув в бараний рог духовенство, купечество и посадских людей, – дворянство оказалось в некоем не очень блистательном одиночестве. Общий язык со страшной был потерян – и в переносном, и в самом прямом смысле этого слова: дворянство стало говорить по-французски, и русский язык, по Тургеневу “великий, свободный и могучий”, остался языком плебса, черни, “подлых людей” по терминологии того времени. Одиночество не было ни блестя-

⁴⁰ Солоневич И. Л. Народная монархия // Часть II «Дух народа», глава «Кривое зеркало».

щим, ни длительным. С одной стороны – мужик резал, с другой стороны, и совесть все-таки заедала, с третьей – грозила монархия. И как ни глубока была измена русскому народу – русское дворянство все-таки оставалось русским – и его психологический склад не был все-таки изуродован до конца: та совесть, которая свойственна русскому народу вообще – оставалась и в дворянстве. Отсюда тип “кающегося дворянина”. Это покаяние не было только предчувствием гибели – польскому шляхтичу тоже было что предчувствовать, однако ни покаяниями, ни хождением в народ он не занимался никогда. Не каялись также ни прусский юнкер, ни французский виконт. Это было явлением чисто морального порядка, явлением чисто национальным: ни в какой иной стране мира кающихся дворян не существовало. Сейчас, после революции, мы можем сказать, что это дворянство каялось не совсем по настоящему адресу и что именно из него выросли наши дворянские революционеры – начиная от Новикова и кончая Лениным. Но в прошлом столетии этого было еще не видно.

Русская дворянская литература родилась в век нашего национального раздвоения. Она, говоря грубо, началась Карамзиным и кончилась Буниним. Пропасть между popisывающим барином и пахивающим мужиком оказалась непреодолимой: общий язык был потерян, и найти его не удалось. Барин мог каяться и мог не каяться. Мог “ходить в народ” и мог кататься на “теплые воды” – от этого не менялось

уже ничто. Граф Лев Толстой мог гримироваться под мужичка и щеголять босыми своими ногами – но ничего, кроме дешевой театральщины, из этого получиться не могло: мужик Толстому всё равно не верил: блажит барин, с жиру бесится».

Священник Геннадий Беловолов следующим образом комментирует мысли Ивана Солоневича по поводу русской литературы⁴¹: «Иван Солоневич сделал горький упрек русской литературе в том, что она просмотрела Россию. Если бы кто решил узнать Россию по русской литературе и для того перечитал бы всех тех писателей, кого принято называть классиками, его усердие, конечно же, было бы вознаграждено многими вдохновенными страницами. Но что же бы узнал сей читатель о сей стране?! Он узнал бы о “лишних людях”, о “мертвых душах”, о “героях нашего времени”, о “темном царстве”. Но где же “живые души”, где “не лишние” люди? Кто строил это великое государство, кто защищал его, кто молился за него? Кто полагал душу свою за Веру, Царя и Отечество? Как это ни печально, но из русской литературы мы не узнаем православной России, не узнаем ее сокровенных молитв, ее “жизни во Христе”, ее духовных подвигов, ее праведников. Русская литература не воспела осанну Богу за все Его милости и щедроты, ниспосланные нашему возлюбленному Отечеству. (Конечно, были Достоевский, поздний Гоголь, Лесков, Аксаков. Но они оставались отдельными го-

⁴¹ Цит. по: Аксютин В. Русский характер. Статья 3: Экзистенциальная боль русской литературы (<https://new.pravoslavie.ru/986.html>).

лосами. Хор пел другую партию.) Сколько страниц потрачено на упражнения в социальной критике, сколько сил положено на обличение пороков и вскрытие язв, сколько желчи и претензий к родной земле. “Ты и могучая, ты и бессильная”. Но писали больше о “бессильной” и “немытой”. Русская литература тяжело согрешила ропотом. Чего стоит один вопрос “Кому на Руси жить хорошо?”. Во многом именно литература создала образ России как “темного царства”, населила ее “держимордами”, построила в ней “город Глупов”. Такую “отсталую европейскую провинцию” оставалось только европеизировать революционными средствами. Свет России православной был увиден только тогда, когда Русская земля оказалась “за шеломянем еси”. На нее пришлось уже оглядываться, смотреть с других берегов. “Что имеем – не храним, потерявши плачем” – эти слова Шмелев обращал к русской эмиграции. “На реках Вавилонских седохом мы и плакахом”».

Российский общественный деятель и публицист Виктор Аксючиц с учетом сказанного выше о русской литературе как преимущественно дворянской называет ее также «экзистенциональной», «экзистенциалистской»⁴²:

⁴² Аксючиц В. Русский характер. Статья 3. Экзистенциальная боль русской литературы (<https://new.pravoslavie.ru/986.html>). Использованный в указанной статье термин «экзистенциональный» – от слова «экзистенциализм» (фр. existentialisme от лат. Existentia – «существование»), что означает особое направление в философии XX века, акцентирующее свое внимание на уникальности бытия человека, провозглашающее его иррациональным. В русской литературе

«Российское общественное мнение, начиная с XIX века, судит о национальном характере русского народа не по реальной истории, а по художественной литературе и публицистике. Общепринятым стало мнение, что герои русской литературы выражают типы национального характера. Причины этого кроются и в самоощущении литераторов, и в общественном мнении. У художественной литературы свои творческие задачи, не совпадающие с потребностями изображения “реальной” жизни. Однако это не мешало самим писателям полагать, что они изображают вполне “реальную” жизнь. С другой стороны, общество было образовано в традиции культуры “русского” Запада, поэтому могло судить о российской истории и национальном характере через призму своих иллюзий и мифов.

Русская литература XIX века была шире потребности экзистенциального самоутверждения культурного сословия. Великая литература была ответом на вечный зов творчества, что не мешало литературе выражать экзистенциальную заботу образованного общества. Художественная литература выражала не столько проблемы русского народа, сколько проблемы образованных слоев, отражала не самоощущение народа, а попытки самосознания культурного общества. Поэтому дворянскую литературу нельзя воспринимать как исторически-реалистическую, изображающую эпоху, ибо вне ее

для обозначения экзистенциализма иногда используется термин «философия существования».

поля зрения оказались целые пласты русской жизни и истории: быт различных сословий, православные традиции, развитие мощной государственности, колонизация и цивилизация огромных суровых пространств [...].

Поэтому по русской литературе нельзя изучать характер времени и характер русского народа. Герои русской литературы – это образы не реальных людей и отношений, а отражение проблем, которые мучили образованное общество. Эта литература не натуралистическая и не реалистическая, а экзистенциальная. Если западные писатели изображали по преимуществу то, что видели, то русские описывали то, что чувствовали. Русская литература изображает внутреннюю судьбу автора, историческое положение и статус его сословия, его место в истории и культуре своего народа, а только затем – отношение автора к немым и бессмысленным (по характеристике Бердяева) слоям населения. Внутренняя жизнь немых сословий во многом осталась тайной для русской литературы...»

Была ли русская литература зеркалом русской жизни?

*Итак, поэзия наша не выразила нам нигде
русского человека вполне, ни в том идеале, в каком
он должен быть, ни в той действительности, в
какой он ныне есть.*

Николай Васильевич Гоголь

Зеркало было, но кривое

...русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон. Да и слабости-то были выдуманные.

Иван Лукьянович Солоневич, «Народная монархия»

Гоголь размышлял об общественном предназначении художественной литературы и искусства в целом. В письме к В. А. Жуковскому от 10 января 1848 года из Неаполя Николай Васильевич писал: «Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройство... Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиваться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желаньем развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто»⁴³.

Н. В. Гоголь в своей статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1847)⁴⁴ приходит

⁴³ Гоголь Н. В. Искусство есть примирение с жизнью // Гоголь Н. В. Собр. Соч. в 8 тт. – Т. 8, с. 293.

⁴⁴ Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 тт.] / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи, 1952, сс. 369–409.

к неутешительному выводу, что русская поэзия (да и художественная литература в целом) оказалась не на высоте и со своей миссией она, мягко выражаясь, не справлялась:

«...Но пора, однако же, сказать в заключение, что такое наша поэзия вообще, зачем она была, к чему служила и что сделала для всей русской земли нашей? Имела ли она влияние на дух современного ей общества, воспитавши и облагородивши каждого, сообразно его месту, и возвысивши понятия всех вообще, сообразно духу земли и коренным силам народа, которыми должно двигаться государство? Или же она была просто верной картиной нашего общества, – картиной полной и подробной, ясным зеркалом всего нашего быта? Не была она ни тем, ни другим; ни того, ни другого она не сделала».

Примечательно, что, по мнению Н. В. Гоголя, русская поэзия была неведома не только простому народу, но даже русской элите, аристократии. Николай Васильевич продолжает:

«Она была почти незнаема и неведома нашим обществом, которое в то время воспитывалось другим воспитанием, под влиянием гувернеров французских, немецких, английских, под влиянием выходцев из всех стран, всех возможных условий, с различными образами мыслей, правил и направлений. Общество наше, – чего не случалось еще доселе ни с одним народом, – воспитывалось в неведении земли своей посреди самой земли своей. Даже язык был позабыт, так

что поэзии нашей были даже отрезаны дороги и пути к тому, чтобы коснуться его уха. Если и пробивалась она к обществу, то какими-то незаконными и проселочными дорогами: или счастливо написанная музыка заносила в гостиную какое-нибудь стихотворное произведение; или же плод незрелой молодости поэта, ничтожное и слабое его произведение, но отвечавшее каким-нибудь чужеземно-вольнодумным мыслям, занесенным в голову общества чужеземными воспитателями, бывало причиной, что общество узнавало о существовании среди его поэта. *Словом – поэзия наша ни поучала общество, ни выражала его (курсив мой – В. К.).* Как бы слыша, что ее участь не для современного общества, неслась она всё время выше общества; если ж и опускалась к нему, то разве затем только, чтобы хлестнуть его бичом сатиры, а не передавать его жизнь в образец потомству. Дело странное: предметом нашей поэзии всё же были мы, но мы в ней не узнаем себя. Когда поэт показывает нам наши лучшие стороны, нам это кажется преувеличенным, и мы почти готовы не верить тому, что говорит нам о нас же Державин. Когда же выставляет писатель наши низкие стороны, мы опять не верим, и нам это кажется карикатурой. Есть, точно, в том и другом как бы какая-то преувеличенная сила, хотя в самом деле преувеличения нет. Причиною первого то, что наши лирические поэты, владея тайной прозревать в зерне, почти неприметном для простых глаз, будущий великолепный плод его, выставляли очищенной всякое свойство

наше. Причиной второго то, что сатирические наши писатели, нося в душе своей, хотя еще и неясно, идеал уже лучшего русского человека, видели ясней всё дурное и низкое русского действительно человека. Сила негодованья благородного давала им силу выставлять ярче ту же вещь, чем как ее может увидеть обыкновенный человек. Вот отчего в последнее время, сильней всех прочих свойств наших, развилась у нас насмешливость. Всё смеется у нас одно над другим, и есть уже внутри самой земли нашей что-то смеющееся над всем равно, над стариной и над новизной, и благоговеющее только пред одним нестареющим и вечным. *Итак, поэзия наша не выразила нам нигде русского человека вполне, ни в том идеале, в каком он должен быть, ни в той действительности, в какой он ныне есть»* (курсив мой — В. К.).

Итак, по признанию Н. В. Гоголя, облагораживающего, позитивного воспитательного воздействия на общество поэзия не оказывала. Да к тому же не была зеркалом, отражавшим русскую жизнь, ее лучшие стороны. Кроме того, она была неведома большей части русского народа, даже его образованной элите. А востребованной была лишь та часть поэзии, которая либо развлекала, либо была сатирой на явления русской жизни.

Иван Солоневич, русский публицист (1891–1953), бывший с 1934 года в эмиграции, размышлял о роли русской литературы в подготовке революции. И он пришел к выводу, что художественная литература в России до 1917 года была

преимущественно дворянской. Но в любом случае она была страшно далека от народа, не выражала его интересов, не отражала адекватно жизнь народа. Т. е. была «кривым зеркалом» русской жизни. Вот что он, в частности, писал в своей наиболее известной работе «Народная монархия» (1951)⁴⁵:

«Психология русского народа была подана всему читающему миру сквозь призму дворянской литературы и дворянского мироощущения. Дворянин нераскаянный – вроде Бунина, и дворянин кающийся – вроде Бакунина, Лаврова и прочих, все они одинаково были чужды народу. Нераскаянные – искали на Западе зланных мест, кающиеся искали там же зланных идей. Нераскаянные говорили об азиатской русской массе, кающиеся – об азиатской русской монархии, некоторые (Чаадаев) – об азиатской русской государственности вообще. Но все они не хотели, не могли, боялись понять и русскую историю, и русский дух. Лев Толстой доходит до полной, – конечно, кажущейся – беспомощности, когда он устами Кознышева или Свияжского никак не может объяснить бедняге Левину – так зачем же, собственно, нужны народу грамота, школы, больницы, земство. Дворянству они не нужны – и Левин формулирует это с поистине завидной наивностью. Но зачем они нужны народу? И нужен ли народу сам Левин? До этого даже Толстой договориться не посмел: это значило бы поставить крест над яснополянскими гнезда-

⁴⁵ Солоневич И. Народная монархия // Часть II «Дух народа», глава «Кривое зеркало».

ми – такими родными, привычными и уютными. Что делать? Все люди – человеки. Пушкин точно так же не смог отказаться от крепостного права, как и Костюшко, требовавший в своем знаменитом универсале немедленного освобождения польских крестьян – для их борьбы с Россией, – своих крестьян так и не освободивший...

Толстой сам признавался, что ему дорог и понятен только мир русской аристократии. Но он не договорил: всё, что выходило из пределов этого мира, было ему или неинтересно, или отвратительно. Отвращение к сегодняшнему дню – в дни оскудения, гибели этой аристократии, – больше, чем, что бы то ни было другое – толкнуло Толстого в его скудную философию отречения. Но трагедию надлома переживал не один Толстой – по-разному ее переживала вся русская литература. И вся она, вместе взятая, дала миру изысканно-кривое зеркало русской души.

Грибоедов писал свое “Горе от ума” сейчас же после 1812 года. Миру и России он показал полковника Скалозуба, который “слова умного не выговорил с роду” – других типов из русской армии Грибоедов не нашел. А ведь он был почти современником Суворовых, Румянцевых и Потемкиных и совсем уж современником Кутузовых, Раевских и Ермоловых. Но со всех театральных подмостков России скалит свои зубы грибоедовский полковник – “золотой мешок и метит в генералы”. А где же русская армия? Что – Скалозубы ликвидировали Наполеона и завоевали Кавказ? Или чеховские “лиш-

ние люди” строили Великий Сибирский путь? Или горьковские босяки – русскую промышленность? Или толстовский Каратаев – крестьянскую кооперацию?

Или, наконец, “мягкотелая” и “безвольная” русская интеллигенция – русскую социалистическую революцию?

Литература есть всегда кривое зеркало жизни. Но в русском примере эта кривизна переходит уже в какое-то четвертое измерение. Из русской реальности наша литература не отразила почти ничего. Отразила ли она идеалы русского народа? Или явилась результатом разброда нашего национального сознания? Или, сверх всего этого, Толстой выразил свою тоску по умиравшим дворянским гнездам, Достоевский – свою эпилепсию, Чехов – свою чахотку и Горький – свою злобную и безграничную жажду денег, которую он смог кое-как удовлетворить только на самом склоне своей жизни, да и то за счет совзнаков?

Я не берусь ответить на этот вопрос. Но, во всяком случае, русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон. Да и слабости-то были выдуманные. И когда страшные, годы военных и революционных испытаний смыли с поверхности народной жизни накипь литературного словоблудия, то из-под художественной бутафории Маниловых и Обломовых, Каратаевых и Безуховых, Гамлетов Щигровского уезда и москвичей в гарольдовом плаще, лишних людей и босяков – откуда-то возникли совершенно непредусмотренные литературой лю-

ди железной воли. Откуда они взялись? Неужели их раньше и вовсе не было? Неужели сверхчеловеческое упорство обоих лагерей нашей Гражданской войны, и белого, и красного, родилось только 25 октября 1917 года? И никакого железа в русском народном характере не смог раньше обнаружить самый тщательный литературный анализ?

Мимо настоящей русской жизни русская литература прошла совсем стороной. Ни нашего государственного строительства, ни нашей военной мощи, ни наших организационных талантов, ни наших беспримерных в истории человечества воли, настойчивости и упорства – ничего этого наша литература не заметила вовсе. По всему миру – да и по нашему собственному созданию – тоже получила хождение такая уродистая карикатура, отражавшая то надвигающуюся дворянскую беспризорность, то чахотку или эпилепсию писателя, то какие-то поднебесные замыслы, с русской жизнью ничего общего не имевшие. И эта карикатура, пройдя по всем иностранным рынкам, создала уродливое представление о России...»

Россия в восприятии Европы через призму русской литературы

Известно, что русская литература XIX – начала XX века считалась всемирно признанной. Произведения русских писателей и поэтов переводились на многие европейские языки. Просвещенные европейцы и другие иностранцы имели, как им казалось, очень неплохие представления о России и русских. Благодаря, прежде всего, знакомству с русской художественной литературой (Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Л. Толстой и др.). Однако, как выясняется, это были весьма искаженные представления. Правда, русские писатели почти никогда об этом не задумывались. Нет, впрочем, иногда задумывались. Николай Васильевич Гоголь, например, после написания и публикации первого тома «Мертвых душ» стал испытывать душевные переживания. Причина их в том, что указанный роман не отражал полноту русской жизни. Был односторонним, искажал картину жизни, превращал ее в карикатуру.

Поэтому, узнав о планах перевода «Мертвых душ» на немецкий язык, выразил свое резкое неудовольствие. «Известие о переводе “Мертвых душ” на немецкий язык мне было неприятно, – писал Николай Васильевич Н. М. Языкову из Рима 2 января (14 января) 1846 года. – Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до

времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае, до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в эту глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечественников, принявши “М. Д.” за портрет России»⁴⁶.

На проблеме искажения образа России и русского народа в представлении европейцев (и особенно немцев) особо останавливается уже много раз цитируемый нами Иван Солоневич. Почему? Потому, что такие искажения создавали, мягко выражаясь, серьезные проблемы как для России, так и соседних государств и народов. Иван Лукьянович делает даже более жесткий вывод: превратные представления о России и русских, почерпнутые европейцами из нашей художественной литературы, подтолкнули Германию (и стоящие за ней силы) к войне с нами. Это очевидно в отношении войны 1941–1945 годов. Но не исключено, что этот фактор сыграл свою роль и в развязывании войны против России в 1914 году. И наши недруги были крайне удивлены, когда столкнулись с народом, который оказался мало похожим на героев литературных произведений.

Глава книги «Народная монархия» И. Солоневича, посвященная русской литературе («Кривое зеркало») ⁴⁷, начинается с цитирования Иваном Лукьяновичем известного немец-

⁴⁶ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 8 тт. – Т. 8, с. 231.

⁴⁷ Солоневич И. Народная монархия // Часть II «Дух народа», глава «Кривое зеркало».

кого историка и философа начала прошлого века Освальда Шпенглера:

«Немец Оскар Шпенглер (*в первых переводах книги на русский язык ее автора почему-то именовали Оскаром.* – В. К.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.